

**РЕШЕНИЕ**  
**Совета Адвокатской палаты Санкт-Петербурга**  
**по дисциплинарному производству № в отношении**  
**адвоката И.**

11.06.2026

г. Санкт-Петербург

Совет Адвокатской палаты Санкт-Петербурга (далее также – Совет АП СПб и АП СПб, соответственно) в составе президента АП СПб Тенишева В.Ш. (председатель), вице-президента АП СПб Пановой В.С., членов Совета Ибряновой Г.А., Кониной Н.Н., Краузе С.В., Манкевича А.Е., Морозова М.А., Пашинского М.Л., Передрука А.Д., Пономаревой Н.В., Розова Ю.В., Семеняко М.Е., Чангли А.И., в соответствии с положениями ст.ст. 24, 25 Кодекса профессиональной этики адвоката (далее также – КПЭА) рассмотрев 11.06.2026 в закрытом заседании дисциплинарное производство в отношении адвоката **И.** (регистрационный номер в Едином государственном реестре адвокатов), возбуждённое 07.04.2026 президентом АП СПб Тенишевым В.Ш.,

**установил:**

поводом для возбуждения дисциплинарного производства в отношении адвоката **И.** послужила жалоба К.Е.А., поступившая в АП СПб 06.04.2026; в Квалификационную комиссию АП СПб (далее – Квалифкомиссия) материалы дисциплинарного дела поступили 08.04.2026.

**В соответствии с заключением Квалифкомиссии от 07.05.2026** в действиях (бездействии) адвоката **И.** усматривается нарушение следующих норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре:

- п. 1 ст. 8 КПЭА: *при осуществлении профессиональной деятельности адвокат обязан честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять свои обязанности, активно защищать права, свободы и интересы доверителей всеми не запрещенными законодательством средствами, руководствуясь Конституцией Российской Федерации, законом и настоящим Кодексом.*
- ч. 1 ст. 12 КПЭА: *участвуя в судопроизводстве, а также представляя интересы доверителя в органах государственной власти и органах местного самоуправления, адвокат должен соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства, проявлять уважение к суду и лицам, участвующим в деле, следить за соблюдением закона в отношении доверителя и в случае нарушений прав последнего ходатайствовать об их устранении.*

### **Нарушение выразилось в следующем.**

30.03.2024 заявитель К.Е.А. и адвокат И. заключили соглашение № 5 об оказании юридической помощи, согласно которому адвокат И. принял на себя обязательства по оказанию квалифицированной юридической помощи в форме представления интересов К.Е.А. по уголовному делу, находящемуся в производстве мирового судьи судебного участка № 10 Санкт-Петербурга по ст. 115 УК РФ по стороне потерпевшего, включая составление заявления в суд (п. 1, 2 Соглашения). Стороны согласовали фиксированный размер вознаграждения за исполнение поручения и порядок его оплаты (разд. 3).

30.03.2024 и 17.05.2024 гонорар адвоката по соглашению был оплачен в полном объёме.

Адвокат И. был привлечен к участию в уголовном деле № в качестве представителя К.Е.А., о чём представил в дело удостоверение и ордер № 12 от 16.04.2024.

Адвокат И. принимал участие в пяти судебных заседаниях 16.04.2024, 15.05.2024, 21.05.2024, 27.05.2024 и 18.06.2024.

Позже адвокат И. под личную подпись был извещён о назначении судебного заседания на 26.06.2024 в 11:00, однако участие в слушании не принимал, в качестве представителя частного обвинителя (потерпевшего) К.Е.А. участвовал адвокат Л.Г.С.

Квалифкомиссия установила, что адвокат И. в одностороннем порядке отказался от исполнения соглашения, не согласовав расторжение с заявителем К.Е.А.

18.06.2024 в переписке адвокат заявил об отказе от исполнения соглашения («Я по вашему делу не буду больше работать»), хотя К.Е.А. категорически возражала («Нет. Соглашения я расторгать не буду»).

Несмотря на это, 28.06.2024 адвокат И. направил К.Е.А. дополнительное соглашение о расторжении соглашения об оказании юридической помощи, датированное 26.06.2024, а в период с 26.06.2024 по 08.08.2024 (дату вынесения приговора по уголовному делу) не выполнял никаких действий по делу, хотя по условиям соглашения его обязательства действовали до принятия судом итогового решения.

Адвокат И. также не предпринял разумных мер для оформления расторжения соглашения, например, через мессенджеры, ограничившись почтовым отправлением, и не предоставил доверительнице достаточного времени для поиска другого адвоката (новый адвокат Л.Г.С. был допущен судом 26.06.2024, однако инициатива замены исходила от самой К.Е.А. уже после отказа И.).

Кроме того, адвокат И. не возвратил неотработанную часть гонорара, а в дополнительном соглашении указал, что отработал всю сумму, применив несогласованные с доверителем тарифы. К.Е.А. в письме-возражении от 04.08.2024 не согласилась с таким расчётом, однако адвокат И. возврат части денежных средств не произвёл.

Кроме того, адвокат И., будучи надлежащим образом извещённым о судебном заседании по уголовному делу, назначенном на 26.06.2024 в 11:00, не явился в суд, не уведомил суд о причинах неявки и не представил доказательств уважительности причин.

**В соответствии с заключением Квалифкомиссии от 07.05.2026** в действиях (бездействии) адвоката И. усматривается нарушение следующих норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре:

- п. 1 ст. 8 КПЭА: *при осуществлении профессиональной деятельности адвокат обязан честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять свои обязанности, активно защищать права, свободы и интересы доверителей всеми не запрещенными законодательством средствами, руководствуясь Конституцией Российской Федерации, законом и настоящим Кодексом.*
- ч. 1 ст. 12 КПЭА: *участвуя в судопроизводстве, а также представляя интересы доверителя в органах государственной власти и органах местного самоуправления, адвокат должен соблюдать нормы соответствующего процессуального законодательства, проявлять уважение к суду и лицам, участвующим в деле, следить за соблюдением закона в отношении доверителя и в случае нарушений прав последнего ходатайствовать об их устранении.*

#### **Нарушение выразилось в следующем.**

16.04.2024 заявитель К.Е.А. и адвокат И. заключили соглашение № 8 об оказании юридической помощи, согласно которому адвокат И. принял на себя обязательства по оказанию квалифицированной юридической помощи в форме представительства К.Е.А. в административном производстве у мирового судьи судебного участка № 10 Санкт-Петербурга по делу об административном правонарушении по ст. 6.1.1 КоАП РФ (п. 1, 2 Соглашения). Стороны согласовали фиксированный размер вознаграждения за исполнение поручения и порядок его оплаты (разд. 3). Доверитель полностью оплатила гонорар адвоката по соглашению в день подписания соглашения.

По делу об административном правонарушении № адвокат И. защищал интересы К.Е.А. на основании ордера № 13 от 16.04.2024.

Адвокат И. участвовал в судебных заседаниях 16.04.2024, 15.05.2024, 27.05.2024 и 26.06.2024.

К.Е.А. 26.06.2024 представила в суд заявление о том, что её защиту оказывает адвокат Л.Г.С., а от услуг адвоката И. она отказывается. В дальнейшем участие в рассмотрении дела об административном правонарушении адвокат И. не принимал.

05.07.2024 постановлением Мирового судьи судебного участка № 10 Санкт-Петербурга К.Е.А. признана виновной в совершении административного правонарушения, предусмотренного ст. 6.1.1 КоАП РФ.

Квалифкомиссия пришла к выводу о том, что адвокат И. в одностороннем порядке отказался от защиты заявителя К.Е.А.

Как следует из переписки сторон дисциплинарного производства от 18.06.2024, заявление адвоката И. «Я по вашему делу не буду больше работать» относилось к обоим соглашениям.

28.06.2024 адвокат И. направил доверительнице К.Е.А. дополнительное соглашение о расторжении соглашения № 8 об оказании юридической помощи, датированное 26.06.2024, хотя К.Е.А. возражала против расторжения.

В период с 26.06.2024 по 05.07.2024 (дата вынесения постановления по административному делу) адвокат И. не участвовал в судебных заседаниях и не совершал никаких процессуальных действий, хотя по условиям соглашения он был обязан оказывать юридическую помощь доверителю до принятия итогового акта.

Кроме того, адвокат И. не возвратил неотработанную часть гонорара. В своём проекте дополнительного соглашения он указал, что гонорар отработан полностью, применив несогласованные ставки, а К.Е.А. в возражениях от 04.08.2024 с этим не согласилась. Возврат до заседания Квалифкомиссии произведён не был.

Наконец, Квалифкомиссия установила, что адвокат И., будучи извещённым 27.05.2024 о судебном заседании по делу об административном правонарушении, назначенном на 26.06.2024, в суд не явился, не уведомил суд о причинах неявки и не представил доказательств уважительности причин неявки.

Квалифкомиссией также рассмотрены иные доводы жалобы заявителя К.Е.А. в адрес адвоката И., а именно о ненадлежащем качестве оказания юридической помощи по соглашению № 5 об оказании юридической помощи от 30.03.2024; о формальном присутствии адвоката И., пассивной позиции и невыяснении позиции доверителя по делу об административном правонарушении; о том, что действия адвоката И. привели к «проигрышу» дел (оправдательному приговору по уголовному делу и привлечению к административной ответственности); о действиях адвоката И. «против её интересов» и «злоупотребил доверием», однако в данной части дисциплинарных претензий Квалифкомиссия пришла к выводу о том, что представленные в материалах дисциплинарного производства доказательства свидетельствуют об отсутствии сведений о нарушении адвокатом законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, а также КПЭА.

02.06.2026 заявитель К.Е.А. направила в АП СПб письменные пояснения по дисциплинарному производству № , из содержания которых следует, что она в целом согласна с выводами Квалифкомиссии в части установленных в действиях (бездействии) адвоката И. нарушений, однако выражает несогласие с той частью заключения, в которой её жалоба о ненадлежащем качестве оказанной помощи адвокатом до 26.06.2024 признана необоснованной, приводит доводы, которые, по её мнению, Квалифкомиссия не оценила.

В уголовном деле, как указывает К.Е.А., адвокат 28.05.2024 предлагал ссылаться в прениях на показания свидетелей, не оглашённые в суде. При допросе свидетеля Е.А.Е. 27.05.2024 адвокат И. не задал ей вопрос о противоречиях с её письменными объяснениями. К допросу свидетеля М.С.А. в тот же день он заявил суду, что не готов. Ходатайство об оглашении ранее данных свидетелями показаний было заявлено несвоевременно, в устной форме, неправильно обосновано, из-за чего суд его отклонил, а адвокат И. не возражал. Кроме того, адвокат И. не возражал против назначения прений на следующее судебное заседание, хотя сторона защиты должна была представить новые доказательства, что лишило К.Е.А. возможности ознакомиться с ними и подготовиться.

По делу об административном правонарушении заявитель указывает, что позиция была согласована только через месяц после начала рассмотрения дела (12.05.2024), что также свидетельствует о ненадлежащем исполнении адвокатом обязанностей.

К.Е.А. опровергает вывод Квалифкомиссии о том, что она не была лишена возможности своевременно найти другого адвоката: вступление в дело адвоката Л.Г.С. – заслуга самого Л. и самой доверительницы, а И. никаких действий для передачи информации или помощи не предпринимал.

Кроме того, К.Е.А. заявляет о клевете со стороны адвоката И., указывая, что на заседании Квалифкомиссии он устно утверждал, что 18.06.2024 она требовала от него сфальсифицировать доказательства. В опровержение К.Е.А. представила детализацию звонков от оператора «Мегафон», из которой следует, что в тот день соединений с номером И. не было, а переписка в мессенджере Telegram также не подтверждает его слов.

В итоге К.Е.А. настаивает на том, что адвокатом И. допущены нарушения, которые носят не только характер ненадлежащего, но и полного неисполнения соглашений в период с 26.06.2024, и просит применить меру дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката на максимально возможный срок.

08.06.2026 заявитель К.Е.А. направила в Совет АП СПб документ, поименованный как «Дополнения к Письменным пояснениям от 02.06.2026 по дисциплинарному производству № », в котором указывает, что адвокат И. публично оклеветал её на заседании Квалифкомиссии, обвинив в фальсификации доказательств, нарушил нормы законодательства, действуя в своём интересе, отказавшись от защиты по двум делам без её согласия, систематически не являясь в суд и присвоив оплаченный гонорар. На этом основании заявитель просит применить к адвокату И. наказание в виде прекращения статуса адвоката на максимально возможный срок.

Адвокат И. в порядке, предусмотренном п. 3 ст. 24 КПЭА, письменных заявлений о несогласии с заключением Квалифкомиссии или его поддержке в Совет АП СПб не направил.

Участники дисциплинарного производства о назначении разбирательства в Совете АП СПб на 11.06.2026 были извещены надлежащим образом.

Заявитель К.Е.А. на заседание явилась, выразила согласие с заключением Квалифкомиссии в части установленных нарушений, а также несогласие с заключением в той части, в которой в действиях (бездействии) адвоката не установлены нарушения требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и КПЭА, поддержала доводы жалобы, ответила на вопросы членов Совета.

Адвокат И. на заседание явился, выразил несогласие с заключением Квалифкомиссии, ответил на вопросы членов Совета.

Рассмотрев материалы дисциплинарного производства, заслушав стороны дисциплинарного производства, изучив заключение Квалифкомиссии, **Совет АП СПб приходит к следующему.**

**1.** Относительно доводов жалобы о ненадлежащем осуществлении адвокатом профессиональных обязанностей перед доверителем, выразившемся в отказе от оказания юридической помощи и неявке в судебные заседания.

Квалифкомиссией установлено, что между заявителем К.Е.А. и адвокатом И. было заключено два соглашения об оказании юридической помощи:

– соглашение № 5 об оказании юридической помощи от 30.03.2024, согласно которому адвокат И. принял на себя обязательства по оказанию квалифицированной юридической помощи в форме представления интересов К.Е.А. по уголовному делу, находящемуся в производстве мирового судьи судебного участка № 10 Санкт-Петербурга по ст. 115 УК РФ по стороне потерпевшего, включая составление заявления в суд;

– соглашение № 8 об оказании юридической помощи от 16.04.2024, согласно которому адвокат И. принял на себя обязательства по оказанию квалифицированной юридической помощи в форме представительства К.Е.А. в административном производстве у мирового судьи судебного участка № 10 Санкт-Петербурга по делу об административном правонарушении по ст. 6.1.1 КоАП РФ.

По каждому соглашению стороны согласовали размер вознаграждения за исполнение поручения и порядок его оплаты, заявитель К.Е.А. оплатила гонорары адвоката по каждому соглашению в полном объёме.

18.06.2024 в переписке адвокат И. заявил об отказе от исполнения обоих соглашений, направив в адрес К.Е.А. сообщение следующего содержания: «Я по вашему делу не буду больше работать». В свою очередь заявитель К.Е.А. категорически возражала против расторжения соглашения, сообщив адвокату И. следующее: «Нет. Соглашения я расторгать не буду».

Анализируя переписку сторон дисциплинарного производства, Совет АП СПб считает верным вывод Квалифкомиссии о том, что, направляя сообщения доверителю, адвокат И. принял собственное решение со своей стороны отказаться от исполнения как соглашения № 5 об оказании юридической помощи от 30.03.2024, так и соглашения об оказании юридической помощи № 8 от 16.04.2024.

28.06.2024 адвокат И. направил К.Е.А. два дополнительных соглашения о расторжении ранее заключённых с ней соглашений об оказании юридической помощи, датированные 26.06.2024, в одностороннем порядке прекратив исполнение поручений.

Таким образом, Совет АП СПб соглашается с выводом Квалифкомиссии о том, что адвокат И. в одностороннем порядке отказался от исполнения соглашений об оказании юридической помощи, не согласовав их расторжение с заявителем К.Е.А.

Вопросы расторжения соглашения об оказании юридической помощи регулируются Гражданским кодексом Российской Федерации с изъятиями, предусмотренными п. 2 ст. 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» (далее – Закон об адвокатуре).

С учётом положений ст.ст. 782 и 977 ГК РФ соглашение об оказании юридической помощи может быть расторгнуто:

- по взаимному согласию сторон;
- по инициативе доверителя – в любое время с оплатой фактически выполненной адвокатом работы;
- по инициативе адвоката – за исключением случаев, предусмотренных законодательством об адвокатской деятельности и адвокатуре.

Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно подчёркивал (Постановления от 23.12.1999 № 18-П, от 18.07.2019 № 29-П), что адвокатская

деятельность носит публично-правовой характер, поскольку на адвокатов возложена публичная обязанность обеспечивать защиту прав и свобод человека и гражданина, гарантируя тем самым право каждого на получение квалифицированной юридической помощи (ч. 1 ст. 45, ст. 48 Конституции Российской Федерации).

Конституция Российской Федерации, возлагая на государство обязанность признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина и гарантируя государственную, в том числе судебную, защиту прав и свобод человека и гражданина (ст. 2, ч. 1 ст. 45, ч. 1 ст. 46), закрепляет право каждого на получение квалифицированной юридической помощи, оказываемой бесплатно в случаях, предусмотренных законом (ч. 1 ст. 48). Данные права являются непосредственно действующими, определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, признаются и гарантируются в Российской Федерации как правовом государстве согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией Российской Федерации (ч. 1 ст. 1, ч. 1 ст. 17, ст. 18 Конституции Российской Федерации). Во взаимосвязи с иными правами и свободами человека и гражданина, в частности теми, что сопряжены с защитой каждым своих прав и свобод всеми не запрещёнными законом способами (ч. 2 ст. 45 Конституции Российской Федерации) и разбирательством дела судом на основе состязательности и равноправия (ч. 3 ст. 123 Конституции Российской Федерации), они выступают в качестве одного из необходимых условий справедливого правосудия (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25.10.2001 № 14-П).

Конституционное содержание права на защиту от уголовного преследования согласуется с являющимся в силу ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации составной частью её правовой системы Международным пактом о гражданских и политических (п. 3 ст. 14), который исходит из того, что справедливое судебное разбирательство с обязательностью предполагает наличие у каждого обвиняемого в совершении уголовного преступления права быть незамедлительно и подробно уведомленным на понятном ему языке о характере и основании предъявленного ему обвинения; иметь достаточное время и возможности для подготовки своей защиты; защищать себя лично или через посредство избранного им самим защитника или, при недостатке у него средств для оплаты услуг защитника, пользоваться услугами назначенного ему защитника бесплатно, когда того требуют интересы правосудия; допрашивать показывающих против него свидетелей или иметь возможность того, чтобы эти свидетели были допрошены; иметь право на вызов и допрос свидетелей в его пользу на тех же условиях, что и для свидетелей, показывающих против него (Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 09.02.2016 № 214-О).

Согласно подп. 6 п. 4 ст. 6 Закона об адвокатуре адвокат не вправе отказаться от принятой на себя защиты.

В соответствии с п. 2 ст. 13 КПЭА адвокат, принявший в порядке назначения или по соглашению поручение на осуществление защиты по уголовному делу, не вправе отказаться от защиты, кроме случаев, указанных в законе, и должен выполнять обязанности защитника, включая, при необходимости, подготовку и подачу апелляционной жалобы на приговор суда.

Закреплённое в п. 2 ст. 13 КПЭА общее правило о запрете на отказ от защиты проистекает из необходимости обеспечения перечисленных конституционных ценностей, а также из публично-правового характера адвокатской деятельности и взаимосвязано с ч. 7 ст. 49 УПК РФ и с подп. 6 п. 4 ст. 6 Закона об адвокатуре.

Несмотря на то, что Конституция Российской Федерации и корреспондирующие ей международные договоры Российской Федерации текстуально связывают защиту от предъявленного обвинения, включая право на пользование юридической помощью адвоката (защитника), с уголовным преследованием, Конституционный Суд Российской Федерации уже не раз отмечал, что значение конституционного права на квалифицированную юридическую помощь не может игнорироваться и при производстве по делам об административных правонарушениях, тем более в случаях, когда привлечение лица к административной ответственности сопряжено с такой степенью реального вторжения в права и свободы человека и гражданина, которая по своему характеру и последствиям сопоставима с мерами уголовно-правового воздействия (определения от 24.12.2012 № 2392-О, от 16.06.2013 № 1180-О, от 05.02.2015 № 236-О, от 02.07.2015 № 1536-О и др.).

Меньшая по степени вредоносности и общественной опасности по сравнению с преступлениями значимость административных правонарушений как особого вида публично-правовых деликтов не означает, что они могут быть исключены из сферы действия конституционного права на судебную защиту и справедливое судебное разбирательство (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 18.02.2019 № 11-П).

Аналогичных взглядов относительно сферы действия гарантированного ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах (принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи ООН от 16.12.1966) права на защиту от предъявленного обвинения в совершении уголовного преступления, в том числе с помощью выбранного самим обвиняемым защитника, придерживается и Комитет по правам человека ООН.

В п. 15 Замечаний общего порядка № 32 (приняты Комитетом по правам человека ООН 09.07.2007-27.07.2007) отмечается, что в принципе уголовные обвинения предъявляются в случае деяний, признанных наказуемыми по внутреннему уголовному праву. Это понятие может также распространяться на деяния, являющиеся уголовными по своему характеру, предполагающие санкции, которые независимо от их квалификации во внутреннем праве должны рассматриваться как уголовные с учётом их цели, характера или строгости.

Совет АП СПб обращает внимание на последовательно воспроизводящиеся в практике Конституционного Суда Российской Федерации и Комитета по правам человека ООН подходы, согласно которым квалификация в российском законодательстве того или иного деяния в качестве административного правонарушения вовсе не означает, что при привлечении к ответственности за него неприменимы положения, гарантирующие право на справедливое судебное разбирательство, включающее в себя право на защиту с помощью выбранного защитника. Об уголовной природе правонарушений могут свидетельствовать суть противоправных действий (бездействия), степень суровости предусмотренного за их совершение наказания, отнесение рассмотрения дела об административном правонарушении к компетенции судьи, административное задержание (лишение свободы) привлекаемого к ответственности лица.

Из упомянутых конституционных и международно-правовых норм в совокупности с интерпретирующими их решениями Конституционного Суда Российской Федерации и Комитета по правам человека ООН следует, что законодательное регулирование производства по делам об административных правонарушениях, в особенности отнесённым к подведомственности судей (судов),

должно отвечать требованиям справедливого судебного (юрисдикционного) разбирательства, гарантировать каждому привлекаемому к административной ответственности лицу право на защиту и получение квалифицированной юридической помощи на условиях и в порядке, исключающих искажение их существа и предназначения, и избегать установления таких процедурных правил, которые были бы несовместимы с конституционно допустимыми целями и пределами ограничения прав и свобод человека и гражданина.

Учитывая, что санкция ст. 6.1.1 КоАП РФ, защиту по обвинению в которой заявителя К.Е.А. принял на себя адвокат И. по соглашению № 8 об оказании юридической помощи от 16.04.2024, предусматривает наказание в виде административного ареста на срок от 10 до 15 суток (то есть наказание, связанное с лишением свободы), указанное, по мнению Совета АП СПб, возлагает на адвоката обязанность заботиться о том, чтобы уровень обеспечения права на получение помощи защитника соответствовал требованиям справедливого судебного разбирательства и гарантировал доверителю оказание непрерывной квалифицированной помощи.

При таких обстоятельствах Совет АП СПб приходит к выводу о том, что адвокат И., вопреки предписаниям подп. 1 п. 1 ст. 7 Закона об адвокатуре и п. 1 ст. 8 КПЭА, устранился от защиты прав и законных интересов доверителя по делу об административном правонарушении, в одностороннем порядке отказавшись от исполнения добровольно принятого к исполнению поручения, а также не явился в судебное заседание, назначенное на 26.06.2024.

Вместе с тем Совет АП СПб не может согласиться с выводом Квалифкомиссии о том, что, не явившись в судебное заседание адвокат И. в нарушение ч. 1 ст. 12 КПЭА допустил неуважительное отношение к суду и другим участникам судопроизводства и полагает данную квалификацию излишней постольку, поскольку заявитель К.Е.А. была заранее осведомлена о том, что адвокат И. не явится в судебное заседание, в связи с чем пригласила для оказания ею юридической помощи в качестве представителя частного обвинителя (потерпевшего) адвоката Л.Г.С., отказавшись от услуг адвоката И. в судебном заседании, а судом была произведена замена адвоката.

В части выводов Квалифкомиссии о том, что адвокат И. также проявил неуважение как к суду, так и другим участникам процесса (кроме заявителя К.Е.А.), Совет АП СПб полагает необходимым отметить, что допустимым поводом для возбуждения дисциплинарного производства может быть признана жалоба доверителя адвоката лишь в случае, когда таким образом заявитель защищает свои права.

Заявитель К.Е.А. не является надлежащим субъектом, перечисленным в п. 1 ст. 20 КПЭА, чья жалоба может быть признана допустимым поводом для возбуждения дисциплинарного производства в интересах третьих лиц (суда или других участников дисциплинарного производства).

Кроме того, поскольку предмет соглашения № 5 об оказании юридической помощи от 30.03.2024 предусматривал оказание адвокатом И. юридической помощи в виде представления интересов К.Е.А. по уголовному делу в качестве потерпевшей, с учётом приведённых выше норм, регулирующих вопросы расторжения соглашений об оказании юридической помощи, адвокат И. в данном случае был вправе в одностороннем порядке досрочно расторгнуть соглашение об оказании юридической помощи.

При таких обстоятельствах Совет АП СПб, руководствуясь содержанием подп. 2 п. 1 ст. 25 КПЭА, приходит к выводу о необходимости **прекращения**

**дисциплинарного производства** в указанной части дисциплинарных претензий вследствие отсутствия в действиях (бездействии) адвоката И. нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая КПЭА.

2. Относительно доводов жалобы об удержании адвокатом гонорара и отказе вернуть доверителю часть полученных от неё в качестве аванса денежных средств.

Материалами дисциплинарного производства подтверждается, что заявителем К.Е.А. в полном объёме исполнены обязательства по оплате вознаграждения адвоката И., предусмотренные двумя соглашениями об оказании юридической помощи, заключённые между сторонами дисциплинарного производства.

В силу п. 2 ст. 1 ГК РФ, граждане приобретают и осуществляют свои гражданские права своей волей и в своём интересе. Они свободны в установлении своих прав и обязанностей на основе договора и в определении любых, не противоречащих законодательству условий договора. Согласно п. 1 ст. 9 ГК РФ граждане и юридические лица по своему усмотрению осуществляют принадлежащие им гражданские права.

В силу п.п. 1 и 2 ст. 8 КПЭА при осуществлении профессиональной деятельности адвокат обязан честно, разумно, добросовестно, квалифицированно, принципиально и своевременно исполнять свои обязанности, активно защищать права, свободы и интересы доверителей всеми не запрещёнными законодательством средствами, руководствуясь Конституцией Российской Федерации, законом и настоящим Кодексом; уважать права, честь и достоинство лиц, обратившихся к нему за оказанием юридической помощи, доверителей, коллег и других лиц, придерживаться манеры поведения и стиля одежды, соответствующих деловому общению.

Согласно п. 1 ст. 1 и п. 1 ст. 2 Закона об адвокатуре адвокатской деятельностью является квалифицированная юридическая помощь, оказываемая на профессиональной основе лицами, получившими статус адвоката, а адвокат является независимым профессиональным советником по правовым вопросам.

В соответствии со ст. 25 Закона об адвокатуре адвокатская деятельность осуществляется на основе соглашения между адвокатом и доверителем. Соглашение представляет собой гражданско-правовой договор, заключаемый в простой письменной форме между доверителем и адвокатом (адвокатами), на оказание юридической помощи самому доверителю или назначенному им лицу.

Положениями ст. 779 ГК РФ установлено, что по договору возмездного оказания услуг исполнитель обязуется по заданию заказчика оказать услуги (совершить определённые действия или осуществить определённую деятельность), а заказчик обязуется оплатить эти услуги.

Согласно ст. 781 ГК РФ заказчик обязан оплатить оказанные ему услуги в сроки и в порядке, которые указаны в договоре возмездного оказания услуг. В силу п. 1 ст. 971 ГК РФ по договору поручения одна сторона (поверенный) обязуется совершить от имени и за счёт другой стороны (доверителя) определённые юридические действия. Права и обязанности по сделке, совершённой поверенным, возникают непосредственно у доверителя.

В соответствии с п. 1 ст. 973 ГК РФ поверенный обязан исполнять данное ему поручение в соответствии с указаниями доверителя. Указания доверителя должны быть правомерными, осуществимыми и конкретными

В постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 23.01.2007 № 1-П отмечается, что спецификой договора возмездного оказания правовых услуг, в частности, является то, что в соответствии с этим договором «совершение определённых действий или осуществление определённой деятельности» направлено на отстаивание интересов услугополучателя (доверителя) в судах и иных государственных (юрисдикционных) органах, поэтому факт достижения положительного результата по делу выходит за предмет регулирования по договору.

Исходя из правового смысла ст. 779 ГК РФ о возмездном оказании услуги, исполнитель может считаться надлежаще исполнившим свои обязательства при совершении указанных в договоре действий (деятельности). При этом отказ заказчика от оплаты фактически оказанных ему услуг не допускается. В силу договора о возмездном оказании услуги юридическая помощь оказывается для какого-либо положительного результата, при этом оплачивается не сам результат, а деятельность по предоставлению юридических услуг.

Предметом соглашения между адвокатским образованием и доверителем является не результат (например, положительное решение суда по делу, судебный акт или фактическое взыскание и/или исполнение ответчиком требований), а сама деятельность по предоставлению юридической помощи (Информационное письмо Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 29.09.1999 № 48 «О некоторых вопросах судебной практики, возникающих при рассмотрении споров, связанных с договорами на оказание правовых услуг»).

Материалами дисциплинарного производства подтверждается, что оба соглашения об оказании юридической помощи, заключённые между сторонами дисциплинарного производства, адвокатом И. исполнены частично.

Иными словами, оказанные адвокатом И. юридические услуги не являются полным выполнением поручений, следовательно, данные обстоятельства не свидетельствуют о том, что адвокатом И. полностью отработаны полученные им гонорары.

Таким образом, И. не мог быть освобождён от выполнения обязанности согласовать с доверителем оплату соразмерно выполненной им работы и возратить К.Е.А. неотработанную часть гонораров (авансов) по обоим соглашениям об оказании юридической помощи.

Вместе с тем адвокат И. от исполнения данной обязанности уклонился.

Совет АП СПб считает, что честное, разумное, добросовестное, квалифицированное, принципиальное и своевременное исполнение адвокатом своих обязанностей перед доверителем предполагает не только квалифицированное оказание юридической помощи доверителю, но и соблюдение права доверителя выплатить вознаграждение адвокату соразмерно выполненной им работе.

В случае расторжения соглашения доверителем поручение презюмируется выполненным адвокатом не в полном объёме. В этой ситуации адвокат обязан, действуя разумно и добросовестно, после отказа доверителя от его услуг принять меры по согласованию с доверителем суммы отработанного адвокатом гонорара и суммы, подлежащей возврату.

Нарушение норм законодательства об адвокатуре и адвокатской деятельности, а также КПА в действиях адвоката И. выразилось в том, что после одностороннего отказа от соглашений адвокат не предпринял никаких действий по согласованию с

доверителем размера неотработанной части вознаграждения и её возврату, не направил письменное уведомление о размере и порядке возврата неотработанной части вознаграждения.

Совет АП СПб отмечает, что этические нормы и правила, предусмотренные КПЭА, установлены, в частности, в целях развития традиций российской (присяжной) адвокатуры (преамбула КПЭА).

Традиционным для российской присяжной адвокатуры являлось критическое отношение дисциплинарных органов адвокатской палаты к невозвращению адвокатом доверителю неотработанного гонорара (части гонорара).

Иными словами, неисполнение адвокатом данной обязанности органами адвокатского самоуправления традиционно рассматривалось в качестве дисциплинарного проступка.

«Справедливость требует, чтобы гонорар, полученный поверенным от доверителя в виде аванса за ведение дела, был возвращён ему обратно, если фактического ведения дела в действительности не было, так как гонорар назначается поверенному за труд, затраченный на ведение дела, а не за бездействие, по чьей бы вине последнее ни случилось. (Иркут. 07/08-122; Мск. 90/91-157)»<sup>1</sup>.

«Удержание вознаграждения в количестве большем, чем условлено, составляет поступок, несовместный с достоинством звания присяжного поверенного. (Мск. 85/86-100)»<sup>2</sup>.

Совет АП СПб, полагая, что изложенные позиции присяжных поверенных не утратили своей актуальности и в настоящее время, также последовательно придерживается позиции о недопустимости для адвокатов нарушать принятые на себя обязательства по возврату доверителю неотработанных денежных средств, полученных в качестве гонорара.

При таких обстоятельствах Совет АП СПб приходит к выводу о том, что адвокатом И. допущено ненадлежащее исполнение профессиональных обязанностей перед доверителем, которое выразилось в устранении от необходимости согласовать с доверителем оплату соразмерно выполненной им работе и вернуть неотработанную часть гонорара.

В соответствии с п. 14 ст. 23 КПЭА заключение комиссии должно быть мотивированным и обоснованным и состоять из вводной, описательной, мотивировочной и резолютивной частей... Описательная часть заключения должна содержать указание на предмет жалобы или представления (обращения), объяснения адвоката. В мотивировочной части заключения должны быть указаны фактические обстоятельства, установленные комиссией, доказательства, на которых основаны ее выводы, и доводы, по которым она отвергает те или иные доказательства, а также правила, предусмотренные законодательством об адвокатской деятельности и адвокатуре, настоящим Кодексом, которыми руководствовалась комиссия при вынесении заключения.

---

<sup>1</sup> Цитировано по книге: «Правила адвокатской профессии в России: Опыт систематизации постановлений Советов присяжных поверенных по вопросам профессиональной этики. Составил член Совета присяжных поверенных округа Московской судебной палаты Александр Николаевич Марков. Москва, 1913 год»/ Сост.: А.В. Воробьев, А.В. Поляков, Ю.В. Тихонравов; Отв. ред. Ю.В. Тихонравов. – М.: «Статут», 2003; тезис № 948.

<sup>2</sup> Там же; тезис 903.

В силу ст. 25 КПЭА итоговая квалификация дисциплинарного проступка относится к исключительной компетенции Совета.

Совет АП СПб квалифицирует допущенный адвокатом И. дисциплинарный проступок как нарушение положений п.п. 1, 2 ст. 8 и подп. 1 п. 1 ст. 9 КПЭА.

Учитывая установленные нарушения в действиях (бездействии) адвоката И., выразившиеся в удержании неотработанной части уплаченного доверителем вознаграждения, Совет АП СПб считает важным обратить внимание заявителя на то, что адвокатская палата субъекта Российской Федерации не уполномочена принимать решение о возврате адвокатом ранее уплаченного ей гонорара либо иных денежных средств, выплаты которых может требовать доверитель в случае невыполнения (ненадлежащего выполнения) принятого адвокатом поручения. За удовлетворением финансовых требований, вытекающих из соглашения об оказании юридической помощи, в случае, если урегулировать данные вопросы с адвокатом путём переговоров не удалось, доверитель вправе обратиться в суд общей юрисдикции в порядке, предусмотренном действующим гражданско-процессуальным законодательством.

3. В оставшихся доводах заявителя К.Е.А. о ненадлежащем качестве оказания юридической помощи, формальном присутствии адвоката И., пассивной позиции и невыяснении позиции доверителя по делу об административном правонарушении; о том, что действия адвоката И. привели к «проигрышу» дел (оправдательному приговору по уголовному делу и привлечению к административной ответственности); о действиях адвоката И. «против интересов» и «злоупотребил доверием», Совет АП СПб полностью разделяет выводы Квалифкомиссии об отсутствии сведений о нарушении адвокатом И. законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, а также КПЭА, признаёт их убедительными и достаточно аргументированными, основанными на полном и всестороннем анализе доводов сторон, имеющихся в материалах дисциплинарного производства доказательств и действующего законодательства, регулирующего спорные правоотношения.

Совет АП СПб отмечает, что Квалифкомиссия правильным образом дала оценку доводам жалобы о ненадлежащем качестве оказания юридической помощи по соглашению № 5 об оказании юридической помощи от 30.03.2024. К.Е.А. утверждала, что адвокат И. плохо готовился к заседаниям, несвоевременно заявлял ходатайства, не задавал вопросы свидетелям, не разъяснял стратегию и действовал некомпетентно.

Совет АП СПб вслед за Квалифкомиссией полагает, что из протоколов судебных заседаний и переписки между сторонами дисциплинарного производства следовало, что адвокат, напротив, активно участвовал в допросах, поддерживал ходатайства заявителя К.Е.А. и консультировал её между заседаниями. Обвинения о «неготовности к допросу свидетеля», «предложении ссылаться на неисследованные доказательства» не нашли объективного подтверждения в материалах дела.

Доводы заявителя К.Е.А. о формальном присутствии адвоката И., пассивной позиции и невыяснении позиции доверителя по делу об административном правонарушении также опровергаются материалами дисциплинарного производства, из содержания которых следует, что адвокат И. участвовал в заседаниях 16.04.2024, 15.05.2024 и 27.05.2024, задавал вопросы свидетелям, а из переписки между сторонами дисциплинарного производства от 12.05.2024 усматривается, что позиция по делу была согласована с К.Е.А.

Соглашается Совет АП СПб с утверждением Квалифкомиссии о том, что не нашла подтверждения и претензия о том, что именно действия адвоката И. привели к «проигрышу» дел (оправдательному приговору по уголовному делу и привлечению к административной ответственности).

Адвокат несёт дисциплинарную ответственность за неисполнение либо ненадлежащее исполнение своих профессиональных обязанностей (п. 1 ст. 8 КПЭА).

В соответствии с п. 1 ст. 2 Закона об адвокатуре адвокат является независимым профессиональным советником по правовым вопросам. Действуя в этом статусе, он самостоятельно определяет круг юридически значимых действий, которые следует совершить в интересах доверителя при оказании ему юридической помощи. По этой причине избранные адвокатом стратегия и тактика ведения дела не могут служить основанием для привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности при отсутствии явных профессиональных ошибок, повлекших причинение доверителю существенного материального ущерба и (или) лишивших его возможности защиты принадлежащего права какими-либо иными способами и средствами.

Иными словами, действия адвоката, как лица, в силу своего статуса являющегося профессионалом по вопросам правового консультирования и судебного представительства, могут быть объективно оценены только с точки зрения их соответствия требованиям процессуальных кодексов и императивным нормам законодательства, которым эти действия, во всяком случае, не могут противоречить.

Выбор адвокатом конкретной тактики оказания юридической помощи не подлежит проверке дисциплинарными органами по критерию правильности или неправильности, если материалами дисциплинарного производства не подтверждены недобросовестность адвоката, неисполнение согласованного поручения, действия вопреки интересам доверителя либо явные профессиональные ошибки.

При рассмотрении дисциплинарного производства, носящего публично-правовой характер, необходимо исходить из презумпции добросовестности адвоката, обязанность опровержения которой возложена на заявителя (участника дисциплинарного производства, требующего привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности), который должен доказать те обстоятельства, на которые ссылается как на основания своих требований.

Само по себе недостижение адвокатом ожидаемого доверителем результата исполнения поручения не является основанием для привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности.

Наконец, не нашел своего подтверждения довод К.Е.А. о том, что адвокат И. «действовал против её интересов» и «злоупотребил доверием». Совет АП СПб не может не согласиться с выводом Квалифкомиссии, которая пришла к выводу о том, что представленные в материалах дисциплинарного производства доказательства свидетельствуют о том, что до момента одностороннего отказа адвокат И. исполнял свои обязанности без нарушений профессиональных стандартов.

В данной части дисциплинарных претензий Совет АП СПб, руководствуясь подп. 2 п. 1 ст. 25 КПЭА, также принимает решение о **прекращении дисциплинарного производства** в отношении адвоката И. вследствие отсутствия в его действиях (бездействии) нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и (или) КПЭА.

Совет АП СПб считает заключение Квалифкомиссии соответствующим требованиям КПЭА и достаточным для принятия Советом законного решения по дисциплинарному производству.

Как указано в п. 1 ст. 18 КПЭА: *«Нарушение адвокатом требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и настоящего Кодекса, совершенное умышленно или по грубой неосторожности, влечет применение мер дисциплинарной ответственности, предусмотренных законодательством об адвокатской деятельности и адвокатуре и КПЭА».*

Согласно подп. 1 п. 1 ст. 25 КПЭА: *«Совет вправе принять по дисциплинарному производству решение о наличии в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и (или) КПЭА, или о неисполнении (ненадлежащем исполнении) им своих обязанностей перед доверителем или о неисполнении адвокатом решений органов адвокатской палаты и о применении к адвокату мер дисциплинарной ответственности, предусмотренных статьей 18 КПЭА».*

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 КПЭА **меру дисциплинарной ответственности** адвокату И. за допущенное нарушение, Совет АП СПб учитывает его умышленный и грубый характер, свидетельствующий об игнорировании адвокатом И. основополагающих требований законодательства, профессиональной этики и правил профессионального поведения, и признаёт его тяжким, поскольку пренебрежение адвокатом И. требованиями закона о невозможности отказа от защиты доверителя посягает на базовые принципы осуществления правосудия, причинило вред интересам К.Е.А., а также причинило вред репутации адвокатуры в целом.

Кроме того, удержание адвокатом гонорара и отказ вернуть доверителю часть полученных от неё в качестве аванса денежных средств посягает на многолетние традиции российской адвокатуры, которая всегда критически относилась к невозвращению адвокатом доверителю неотработанного гонорара (части гонорара).

Также Совет АП СПб принимает во внимание отсутствие у адвоката И. действующих дисциплинарных взысканий, но не считает это обстоятельство оказывающим существенное влияние на принятое решение.

При указанных обстоятельствах Совет АП СПб считает необходимым применить к адвокату И. меру дисциплинарной ответственности в виде предупреждения, как в наибольшей степени отвечающую требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренному п. 3 ст. 19 КПЭА.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 1 п. 1 ст. 25, подп. 2 п. 6 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты Санкт-Петербурга **единогласно**

**решил:**

по дисциплинарному производству № признать в действиях (бездействии) адвоката И. (регистрационный номер в Едином государственном реестре адвокатов) наличие нарушения требований

1) подпункта 1 пункта 1 статьи 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и пункта 1 статьи 8 Кодекса профессиональной этики адвоката;

2) пунктов 1, 2 статьи 8 и подпункта 1 пункта 1 статьи 9 Кодекса профессиональной этики адвоката

и применить к нему меру дисциплинарной ответственности в виде **предупреждения.**

Президент

Адвокатской палаты Санкт-Петербурга

Тенишев В.Ш.